

Н

е знаю, будут ли кому интересны эти записи, но выбросить их не поднимается рука. В них много пережитого, выстраданного, память о встречах, поездках, житейские истории, разговоры, замыслы — все о нашей любимой России. Тут заметки начала 60-х, и есть сделанные только что. Думал, как назвать? Это же не что-то цельное, это практически груды бумаг: листки блокнотов, почеркушки, клочки газет, салфетки, программки. Да и груды не очень капитальные, много утрачено в переездах, в пожарах (у меня рукописи горят). Всякие просились названия: «Куча мала», «Отрывки из обрывков», «Конспекты ненаписанного», «Записи на бегу». Называл и «Жертва вечерняя», и «Время плодов», то есть как бы делал отчет, подбивал итоги. Хотя перед кем и в чем? И кому это нужно? Детям? У них своя жизнь. Внукам? Тем более. Все-таки печатаю и надеюсь, что найдется родная душа, которой дорого то, что дорого и моей душе.

Вообще, просилось название «Крупинки»: и маленькие, и фамилия такая. А потом думал, да не все ли равно, лишь бы прочли, и мне бы от того стало повеселее.

У МЕНЯ БЫВАЛО: советовали редакторы взяться за так называемую «проходную» тему, или просто переделать что-то уже написанное, «сгладить углы», «спрятать концы», для моей же пользы советовали: книга выйдет, все какая копейка на молочишко. Нищета же одолевала. Я даже и пытался переделывать написанное. Но Бог спасал — не шло. «Не могу, не получается,

говорил я, лучше не печатайте». То есть бывало во мне малодушие — известности хотелось, благополучия, но, повторяю, Господь хранил от угождения духу века сего.

КАРФАГЕН. И было-то это совсем недавно. Тунис. Ездили в Бизерту, видели умирающие русские корабли. И, конечно, в Карфаген. Услышать голос римского сенатора Катона: «Карфаген должен быть разрушен».

Остатки амфмитаатра. Осень. Мальчишки вдальеке играют в футбол. Раздеваюсь и долго забредаю в Средиземное море. Даже и заплываю. Возвращаюсь — надо же — полон берег веселых камешков — «блинчиков». Вода спокойна, очень пригодная для их «выпекания». Бросаю — семь касаний. Кружочки аккуратно расходятся по воде. Еще! Десять. У мальчишек полный восторг. Неужели так не играют? Во мне просыпается педагогическое образование. Учю подбирать камешки. Выстраиваю мальчишек. Их человек двадцать. Бросаем. Вначале для практики, потом соревнование. Вскоре выявляются лидеры. Вот их уже пятеро, трое. И, наконец, два последних. У одного получается пять «блинчиков». Объявляю его победителем и — что-то же надо подарить — дарю кепочку с эмблемой фонда святого апостола Андрея Первозванного. Благодарные мальчишки дарят мне... футбольный мяч. Передариваю его самому маленькому, у которого пока не получилось бросать камешек по глади воды. Ну не все сразу, научится.

ОКОЛО МОНАСТЫРЯ преподобного Герасима Иорданского возрождается античность, строится амфитеатр Александра Македонского. И на русском языке тоже есть надпись о строительстве. Значит, и наши копейки тут. В самом монастыре, помню, была собачка, которую стригли «под льва», сейчас, сказали, нет ее, осталась от нее скульптурочка. Не удержался, погладил.

НИЧЕГО НЕ НАДО выдумывать. Да и что нам, русским, выдумывать, когда жизнь русская сама по себе настолько необыкновенна, что хотя бы ее-то успеть постичь. Она — единственная в мире такого размаха: от приземленности до занебесных высот. Все всегда не понимали нас и, то воспитывали, то завоевывали, то отступались, то вновь нападали. Злоба к нам какая-то звериная, необъяснимая, это, конечно, от безбожия, от непонимания роли России в мире. А ее роль — одухотворить материальный мир.

А как это поймет материальный мир, те же англичане? Да никак. Но верим, что Господь вразумит.

«**РУССКАЯ НАРОДНАЯ ЛИНИЯ**» провела очень нужный обмен мнениями ученых, богословов, просто заинтересованных, о мировоззренческих различиях меж Россией и Западом. Вывод один — эти различия преодолимы при одном условии — Запад должен вернуться в лоно Православия, заново обрести Христа. Это единственное условие. Иначе он погибнет, и уже погибает. Остается от него только материальное видимое да плюс убажнение плоти, да плюс великое самомнение. А вечное, невидимое отошло от него.

ВИНОВАТ И КАЮСЬ, что не смог так, как следовало бы, написать об отце и матери. Писал, но не поднялся до высоты понимания их подвига, полной их заслуги в том, что чего-то достиг. Ведь писатели-то они, а не я, я — записчик только, обработчик их рассказов, аранжировщик, так сказать.

И много в завалах моих бумаг об отце и матери. И уже, чувствую, не написать мне огромную им благодарность, чего-то законченного, так хотя бы сохранить хоть что-то.

Читаю торопливые записи, каракули — все же ушло: говор, жизненные ситуации, измерение поступков. Другие люди. «До чего дожили, — говорила мама, страдавшая особенно за молодежь, — раньше стыд знали, а сейчас, что дурно, то и потешно». — «Да, — подхватывал отец, — чего еще ждать, когда юбки короче некуда, до самой развилки. Сел на остановке на скамье, рядом она — хлоп, и ноги все голые. У меня в руках газета была, я ей на колени кинул: на, хоть прикройся. Она так заорала, будто режут ее. И, знаешь, мамочка, никто, никто меня не подержал».

РАССКАЗ МАМЫ. Запишу рассказ мамы о предпоследнем земном дне отца: «Он уже долго лежал, весь выболелся. Я же вижу: прижимает его, но он всю жизнь никогда не жаловался. Спрашиваю: «Коля, как ты?» Он: «Мамочка, все нормально». А отойду на кухню, слышу — тихонько стонет. Весь высох. Подхожу накануне, вдруг вижу, он как-то не так глядит. — «Что, Коля, что?» А он спрашивает: — «А почему ты платье передела? Такое платье красивое». — «Какое платье, я с утра в халате». — «Нет, мать, ты была в белом, подошла от окна, говоришь: «Ну что, полегче тебе?» — «Да ничего говорю, терпимо». Говоришь: — «Еще немного потерпи, скоро будет хорошо». И как-то быстро ушла. Говорю: «Отец, может, тебе показалось?» — «Да как же показалось, я же с утра не спал».

Назавтра, под утро, он скончался. Был в комнате один. Так же, как потом и мама, спустя восемнадцать лет, тоже на рассвете, ушла от нас.

Великие люди — мои родители.

МАТУШКА: «Жила, мать очень суровая была, по голове не погладила, парней больше любила. Раз я, еще девчонкой, корову подоила, хлев забыла закрыть, а корова уже копытом в ведре с молоком стоит. Мне влетело».

ИГРАЛИ В «ДОМИК». Детство. И прятки, и ляпки, и догонялки, всякие игры были. До игры чертили на земле кружки — домики. И вот — тебя догоняют, уже вот-вот осалят, а ты прыгаешь в свой кружок и кричишь: «А я в домике!» И это «я в домике» защищало от напасти. Да, домик, как мечта о своем будущем домике, как об основе жизни. Идем с дочкой с занятий. Она вся измученная, еле тащится. Приходим домой, она прыгает. «Катечка, ты же хотела сразу спать». — «А дома прибавляются домашние силы».

И лошадь к дому быстрее бежит. И дома родные стены помогают.

СТЫДНО ПЕРЕД детьми и внуками: им не видать такого детства, какое было у меня. Счастливейшее! Как? А крапиву ели, лебеду? А лапти? И что? Но двери не закрывали в домах, замков не помню. Какая любовь друг к другу, какие счастливые труды в поле, огороде, на сенокосе. Какие родники! Из реки пили воду в любом месте. А какая школа! Кружки, школьный театр, соревнования. Какая любовь к Отечеству! «Наша родина — самая светлая, наша родина — самая сильная».

ОТЧЕГО БЫ НЕ НАЧАТЬ с того, чем заканчивал Толстой, с его убеждений? Они же уже у старика, то есть вроде бы как у мудреца. А если он дикость говорит, свою религию сочиняет, то что? Чужих умов в литературе не займешь. И не помогут тебе они ни жить, ни писать, ни поступать по их. На плечи тому же Толстому не влезешь, да и нехорошо мучить старика. Это в науке, да, там плечи предшественников держат, от того наука быстра, но литература не такая. Наука — столб, литература — поле, где просторно всем: и злакам, и сорнякам. Ссориться в литературе могут только шавки, таланты рады друг другу. Не рады? Так какие же это таланты?

ИСКУССТВО И ЖИЗНЬ. Нет, сколько ни говори, что искусство это одно, а жизнь другое, бесполезно. Все-таки в искусстве есть магия, в этом искусстве, в искусственности, что тянет сильнее, чем жизнь. Приезжает с гастролями какой-нибудь актеришка, пустышка душой, глупый до того, что говорит только отрывками из ролей, еще и бабник, приехал, и что? И все девочки его. Известен, вот в чем штука. Играл героев, говорил правильные слова, лицо мелькало, запомнилось. Сам подлец подлецом, приехал баранов стричь, ему надо «бабок срубить», заработать на шубу для очередной жены, которая, как и предшествующие, оказалась стервой.

Прямо беда. И ничего не докажешь, никого не вразумишь. Дурочки завидуют актрисам, топ-моделям, даже и проституткам (еще бы — интервью дает, в валюте купается) и что делать? Говоришь девушкам: да, хороша прима-балерина, а за ней, посмотрите, десятки, сотни девушек балерин в массовке, которые часто не хуже примы, но — вот — не вышли в примы, так и состарятся, измочалят здоровье в непосильных нагрузках, оставят сцене лучшие годы и канут в неизвестность. Да и прима не вечна, и ее вымоет новая прима, другая. А эту, другую, выхватит худрук из массовки. Все же они что-то могут, все прошли балетные классы. В балете, правда, худрук чаще любит не балерину, а другого худрука.

Сколько я ездил, сколько слушал самодеятельных певцов, видел танцоров, народные танцы, и они гораздо сильнее тех, которых навязывают нам на телеэкране. Кого воспитали в любви к родине Пугачева, Киркоров? Очень патриотические песни у Резника?

Хрипеть, визжать, выть, верещать, свистеть, дергаться, прыгать — это тоже искусство.

Ой, неохота об этом.

КОНСЬЕРЖКА ИЛИ ДЕЖУРНАЯ? Как я могу доверять французским романам, если в них нигде не встретишь фразы: «Консьержка была явно с тяжелого похмелья»?

А ее русская сестра, дежурная по подъезду, бывала. Был я знаком и с другой дежурной, которая ходила в церковь и знала, что в воскресенье нельзя работать. Она и не работала. Мало того, закрывала двери лифта на висячий замок, приговаривая: «Не ходите в церковь — ходите пешком». Она этим явно не увеличивала число прихожан, но упрямо считала свои действия верными. Была бы она консьержкой, ее бы уволили, но так как она была дежурной по подъезду, а пойти на ее место, на ее зарплату желающих не было, то она продолжала пребывать в своем звании. Как и первая, которая, опять же в отличие от консьержки, в частом бы-вАнии (по выражении мамы) добиралась утром до работы, испытывая синдром похмелья.

То есть одно из двух: или русские романы гораздо правдивее французских, или консьержки закодированы от выпивки.

ЖЕНЩИНА, оглядываясь на идущих за нею мужа и сына: «Не распыляйтесь», то есть: не отставайте.

Похоже, как в больнице врач пришедшим посетителям громко: «Не тромбуйте коридоры».

ПОЗАВЧЕРА Павел Фивейский, сегодня Антоний Великий, завтра Кирилл и Афанасий Александрийские. Будем молиться! Есть нам за что благодарить Бога, есть нам в чем пред Ним каяться, есть о чем просить. Надо омыть Россию светлыми слезами смирения и покаяния, иначе уоемся кровью.

ЗНАКОМ БЫЛ со старушкой, которая в 1916-м году, в приюте читала императору Николаю молитву «Отче наш» по-мордовски. Она была мордовкой. Потом стала женой великого художника Павла Корина. Привел нас с Распутиным в его мастерскую Солоухин. Конечно, создаваемое полотно не надо было называть ни «Реквием», как советовал Горький, ни «Русь уходящая», как называл Корин, а просто «Русь». Такая мощь в лицах, такая молитвенность.

ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ на свадьбе в Керчи. Немного запомнил:

Бывайте здоровы, живите богато,
Насколько позволит вам ваша зарплата.
Насколько позволит вам ваша зарплата:
На тещу, на брата, на тестя, на свата.
А если муж будет у вас не разиня,
Получите ордены Мать-героини.
Окружат гурьбой вас дочурки с сынками,
А как прокормить их, подумайте сами.

Вообще переделки общеизвестных песен, выражений были повсеместны, это было и творчество и неприятие казенщины. Тут хорошая песня «Бывайте здоровы, живите богато» не шаржируется, а расширяется. А вот, например, времен войны песню: «Ты меня ждешь, и у детской кровати тайком ты слезу проливаешь» пели, бывало, и так: «Ты меня ждешь, а сама с лейтенантом живешь».

Или на мотив «Тучи над городом встали»: «Папка воюет на фронте — мамка смеется в тылу. Папка вернется, к мамке приедет, я ему все расскажу».

ЧЕГО ЕЩЕ нам не хватило и не хватает? Войны, конфликты, истребление лесов, отравление воды — это же все от нас самих. Поневоле оправдаешь и возблагодаришь Господа за вразумления: наводнения, землетрясения, огненные очищения.

ОТЕЦ ДИМИТРИЙ ДУДКО всерьез уговаривал нас: Распутина, Бородина, меня принять священнический сан: «Ваши знания о жизни, о человеческой душе раздвинутся и помогут вам в писательском деле». Мы вежливо улыбались, совершенно не представляя, как это может быть. А вот писатель Ярослав Шипов смог и стал священником, и пишет хорошо. Когда я преподавал древнерусскую литературу в Академии живописи, ваяния и зодчества, то просил кафедру искусствоведения пригласить его для преподавания Закона Божия. Пригласили. Но ректор донимал его вопросом: «Почему же надо подставлять правую щеку, когда уже ударили по левой? Ну нет, я не подставлю!»

СТАРИКИ СИДЯТ. Один торопится. «Сиди, теперь чего тебе не сидеть: старуха не убежит». — «Дак ужин-то без меня съест. Такая стала прожора. Со зла на меня ест». — «А с чего злая?» — «Дак все никак не помру».

— **ЛЕТ-ТО МНЕ** сколько было — копейки! Конечно, обманул. «Женюсь, женюсь». Женился, да на другой. А мне: «Нельзя быть такой доверчивой». Вот и вся тут лайф сторы.

«**НА ХРЕН НИЩИХ**, сам в лаптицах». Нищие играли в карты «на деревню, на куски». Проигравший обходил деревню и все поданные куски отдавал выигравшему.

РЕБЕНОК НАУЧИТ быть матерью. Такая поговорка. Отнесем ее к рождению идеи. Родилась идея, и воспитает и вытянет. И сама родит. Да, если ее оплодотворить. Оплодотворяется мысль. Чем? Духом.

ВЗВИНЧЕННЫЙ, ВЗДУТЫЙ авторитет Сахарова. Это ненадолго. Конечно, другого вырастят. Боннеры-то на что. А откуда боннеры, новодворские, алексеевы, ковалевы? Из инкубатора ненависти к России. Но инкубатор — это нечто искусственное, а оно не вечно. Перестанет сатана его подпитывать, тут ему и кирдык.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ: вода чистая, но мертвая.

ВОЕВАЛИ враг с врагом, воевали друг с другом, воевали со своим народом. Надо последнюю войну: каждого со своим несовершенством. Победа или смерть перед смертью.

СОБОЮ ВСЕГДА был доволен, своим положением никогда.

ТЕХ, КТО УСТРАИВАЛСЯ по блату, по звонку «сверху» так и называли «блатники», «позвоночники». Конечно, семейственность («как не порадеть родному человечку») была и будет. Отец очень смешно истолковывал слово «протезе»: — «Это протяже, своих протягивают».

Но вот есть искусство, в котором семейственность очень предпочтительна. Это цирк. Жена Георгия Владимова, Наталья Кузнецова, дочь репрессированного директора Госцирка, несколько раз водила нас в цирк, ходили с дочкой за кулисы. Даже я летал в Сочи в 72-м к Георгию Николаевичу, возил ему верстку «Большой руды», там тоже был в гостинице актеров цирка. То есть знал немного циркачей, был даже на свадьбе карликов. Там как раз задумал рассказ «Пока не догорят высокие свечи». Также написал стихотворение, из которого не стыдно за строки: «Попробуй по блату пройти по канату, вот тут-то семья и заметит утрату».

ДЕРЕВЬЯ ПО ПОЛГОДА в снегу, в холоде, а живы. Реки подо льдом очищают. Так и мы: замерзнем — оттаем. Как говорили, утешая в несчастьях: зима не лето, пройдет и это.

Русские самой природой закалены. Лучше сказать, Богом.

ХУДОЖНИК: «Нам сказать есть чего, а не можем, а журналистам сказать нечего, а только они и болтают».

В **ЯПОНИИ** память о Хиросиме — государственная политика, у нас забвение Чернобыля тоже государственная политика.

ВРЕМЯ, ПОТРАЧЕННОЕ на себя, сокращает жизнь, потраченное на других — ее продлевает.

ВСЕГДА ОСУЖДАЛИСЬ пустосмешники. Звали: зубомойка, оммалызга (от ухмыляться). Вообще, показывать зубы, значит угрожать. Смех — оружие против ума. Юмор ослабляет защитные свойства души. «Зубы грешников сокрушит», чтоб не смеялись. Конечно, лучше, когда «сеющие слезами радостью пожнут». А всероссийская ржачка над натужным юмором хохмачей КВН, зубоскальством «Аншлага», пошлостью «Камеди-клуб» — что это? Ума это явно не прибавляет, а силы душевные и нервные утягиваются в черный квадрат экрана.

АПОСТОЛ ПАВЕЛ молитвой сокрушил храм Артемиды Эфесской, которая славилась возгласом: «Велика Артемиды Эфесская!». Велика-то велика, а не устояла. И кто первым возмущился действием апостола? Против него поднял возмущение медник, который производил статуэтки Артемиды. Перестали их у него покупать. То есть ему не святость была важна, доходы, на деньги мерил богиню. А она обесценилась. Кто будет покупать изображение божества, храм которого обрушился по молитвам христианина? Так бы и нам: помолиться, чтобы бесы телевидения провалились к своим хозяевам. Нет, сил не хватает на такую молитву. А возмущаемся. Тогда другой пример, тоже из предания. Один человек проходил мимо идолов и поворачивался к ним спиной. И однажды услышал грохот. Идолы не выдержали такого пренебрежения и рухнули. Давайте и мы показывать спину идолам нашего времени. Вообще понемножку уже получается. Где теперь немцы, ковалевы, алексеевы, гайдары, макаревичи, хакамады, касьяновы, где? Уже съезживаются жваноиды эстрады, чахнет и российская примадонна (в значении «первая девушка») и навсегда поблекла зарубежная. Не сразу, не вдруг, трудно выковыриваются из сознания: зубами держатся за известность, за деньги, за влияние на умы. Свои зубы изнашивались, вставили искусственные, ими уже вцепились, но все равно, как сказано же: «звезды меркнут и гаснут», день наступает.

РЕЧИ ГОВОРИЛИ — птицы возмущенно кричали, когда начался молебен — замолчали.

ЗВОНАРЬ САША (надевая перчатки): «Ко мне сюда и батюшки ходят. Поднимаются: «Саша, полечи-ко». Становятся под колокол. Я раскачаю, раскачаю — ж-жах! От блуждания в мыслях лечит. Мозги освежает (надевает наушники). Будет громко». (Ударил).

Да, впечатляет. Всего звоном протряхивает. Но не глохнешь. Освежает.

АРИСТОТЕЛЬ, КАТАРСИС, очищение искусством. Очистился, вышел из театра и тут же согрешил. Какой катарсис, соблазны не прекратятся до последнего издыхания.

ЭТОТ ВАЛЕРКА — прикол ходячий. Вовремя в гараж не вернулся, утром приезжает. Завгар Мачихин ему: «У какой, тра-та-та, ночевал?» — «Ни у какой. Парома не было» — «А-а». А потом только сообразил: какой паром в январе?

С Валеркой работать — каждый день живот болит. От смеху. Сделал пушку. Серьезно. Меня уговаривал снаряды точить. Я не стал: вляпаешься с ним. Тем более просил точить на сорок. Это ж почти сорокапятка. Но ему кто-то выточил. Стреляли. Из буровой трубы. Стенки толстые, заклепали один конец. Напрессовали алюминиевой пудры, вложили пакетик с порохом, внутрь спираль от электроролмпочки. Так ее аккуратно разбили. А дальше провода, дальше нацелили на забор, отошли подальше, концы закоротили и — залп! Забор свалило. Потом эту пушку сделали минометом. Заряд поменьше. Валерка свой сапог на ствол надел. Ударили! Сапог летит с воем, подошву оторвало. Баба шла с сумками, перед ней сапог — хлоп! Она аж присела. Оглянулась — никого. Бежать. Смех разобрал: Валерка прыгает в одном сапоге.

— **ЧЕРНОГО РОДИЛА?** — Как это? — А так. Когда ее в роддом вез, черная кошка дорогу перебежала. — А когда тебя в роддом везли, осел дорогу не переходил?

ВЯТСКИЙ — **НАРОД** хватский: семеро одного войска не боятся. Или: вятский народ хватский, столько семеро не зарабатывают, сколько один пропьет.

С ОДНОЙ СТОРОНЫ, у новых богатых вопиющая безграмотность. Не отличат Гегеля от Гоголя, Бабеля от Бебеля, с другой — какое-то необъяснимое стремление к строительству своего дома на святом месте или около него. Ну что ему: мало островов, яхт, пейзажей? Нет, ему надо, чтобы во время аперитива подвести гостей к высоким окнам гостиной и показать: «А тут вот Михайловское, а там (показывает) Тригорское. Читали? Скамья Онегина. Думаю, сюда перенести. Тут усадьба Ганибалов. Черный был дедушка у Пушкина. И я негров заведу».

Другой: «Тут Радонеж, слышали? Патриарх приезжает. Думаю, в гости звать. Но надо же что-то достойное соорудить».

Третий: «Видишь? Возьми бинокль. Видишь? Багратионовы плечи (надо — флечи), не так себе. Тут Кутузов на барабане сидел, там вот — Наполеон, тоже на барабане. Так и сидели. Не пойму, как руководили, айфонов же не было. Или были? В общем, живу между полководцами. Кто-то там возмущается? Ну, это они завидуют. Я еще хочу в Тарханах построиться, не как-нибудь. Представь: луна, я гуляю. О Лермонтове слышал? Выхожу, понял? один я, понял? на дорогу. Дальше не помню, неважно».

САЛОНИКИ. Священник из Кении, темнокожий отец Анастасий, вместе с нами едет со Святой Горы Афон. Показывает дорогу к гостинице. Волочит огромный чемодан на колесиках. Переехал ногу полной гречанке. Она в гневе поворачивается и... потрясенно произносит: «Отелло!»

НИКАКОГО СРАВНЕНИЯ Синодального периода нашего с Викторианским. У нас сохранилась и Россия, и вера православная, они потеряли империю, вера стала прикладной, осталась только политика (ссорить людей и государства).

ЗНАК ВРЕМЕНИ — отсутствие времени. «Прошли времена — остались сроки», — говорит батюшка. Он же утешает, что людей последних времен будет Господь судить с жалостью к ним. «Страшно представить, чего переживаем, в каком аду живем».

СКАЗАЛ ВНУКУ: — Книги разные, они между собой ссорятся. Иногда до драки. Внук: — Они ссорились, а пришла Библия, и они замолчали.

Он же: — Бог как воздух: Он везде, а мы Его не видим.

И тут же он: — Дедушка, меня вообще так плющит, что в классе есть лохи. Такие бамбúки.

В ЧИСТУЮ РЕКУ русского языка всегда вливались ручьи матерщины, технизмов, жаргонизмов, всякой уголовной и цеховой фени, но сейчас уже не ручей, а даже река мутной, отравляющей русскую речь интернетской похабщины и малолумия. «Аккаунт, кастинг, чуваки, фигня, блин, спикер, саммит, мочканули, понтово, короче», так вот. В такую реку, в такую грязь насильно окунают. И отмыться от этого можно только под душем святителя Димитрия Ростовского, Даля, Пушкина, Шмелева, Тютчева, Гончарова, под русским, одним словом, словом.

— ПО ДЕРЕВНЕ идите, играйте и пойте,
Наших девок дерите, на нас же задирайте.

СВИСТ В АДРЕС русских писателей — это признание их любви к России, ее защиты. И это знак ненависти к России этих свистунов. И показатель их слабости. Ну, торчат на экранах, ну, премии сшибают, ну, вроде известны. А больше их были известны эренбурги, шпановы, рыбаковы, сотни других, и где они теперь, в

каком уголке народной памяти? Такого уголка для них нет, только в каких-то авторефератах тиражом по сотне экземпляров да в диссертациях тиражом менее десяти. Причина? Языка в произведениях нет, русского языка. А если Россию не любишь, так какой у тебя русский язык? Ты ее шельмуешь, а еще хочешь, чтоб тебя и читали. А тексты твои — суррогат, который ум отторгает. Не та пицца. Не насыщает. И будешь прочно забыт. А книги твои забыты еще до твоей смерти. Обидно? А как ты хотел?

КАК СТАТЬ ДЕБИЛОМ за полгода? Смотреть рекламу.

Как стать зомбированным? Смотреть новости.

Как утратить художественный вкус? Смотреть современные фильмы о России.

Как потерять сострадание? Смотреть американские фильмы.

ОСВАЛЬД ШПЕНГЛЕР предсказал, что Третье тысячелетие будет принадлежать христианству Достоевского. Такое предсказание от ума. Будут же у павшего мира и другие распорядители. Достоевский — христианин без радости. С ним тяжело. Но, может, я излишне придирчив. Так же и с Толстым. С ним-то вообще — ложись да помирай. Есть же у нас батюшка Серафим. Есть же малое стадо Христова, есть же «острова спасения мнози».

ВОЛОДЕЧКА: «Душа — это я, без одежды и тела».

ОЧЕВИДЕЦ: В Чечне, в Грозном, в пасхальную ночь сержант из ручного пулемета трассером (светящимися пулями) написал в небе **ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ**. И долго слова эти были видны в небе Грозного.

